

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПОДМОСТКИ

Обещание зрителю

Театр-Театр представил последнюю премьеру завершающегося сезона

Юлия Баталина

Сезон в драматическом театре выдался на удивление яркий — и столь же нервный и неровный. Тут и бесконечные проволочки с ремонтом большой сцены — а отсюда срочные изменения планов; и рекордное количество номинаций на «Золотую маску», на фоне которого особенно грустно смотрится «Монте-Кристо» — самый слабый мюзикл за всю историю «музыкализации» театра; и, конечно, яркий и в лучшем смысле слова спорный фестиваль «Пространство режиссуры», контрастом которому стал провал на конкурсе театральных капустников «Солёные уши»: оказалось, что остроту театр ценит, но лучше где-нибудь не на своей территории и не в свой адрес. Завершающим, как принято говорить, «аккордом» всему этому «многозвучию» стало лирическое высказывание главного режиссёра театра Владимира Гурфинкеля — инсценировка книги Ромена Гари «Обещание на рассвете».

В романе рассказывается о том, как еврейский мальчик из Вильно (сам Ромен Гари, в те годы — Рома Кацев) стал французом, мужчиной, солдатом и писателем, и о том, какую роль сыграла в этом его смешная, эксцентричная, не знающая никаких рамок еврейская мама. Этот «вкусный», невероятно искренний и смешной текст взялась превратить в театральную пьесу талантливая Ксения Гашева, которая отлично справилась с аналогичными операциями в отношении романа Алексея Иванова «Географ глобус пропил» и «Одиссеи» Гомера. На сей раз задача драматурга оказалась чуть ли не более сложной: книга вся построена на коротких эпизодах, в которых появляются сотни действующих лиц, и на коротких репликах, из которых трудно выбрать самые важные и самые забавные — оставить хочется всё.

Гашева отменно постаралась: выбрала, пожалуй, действительно лучшие фрагменты, да к тому же добавила собственного остроумия. Например, приписала матери героя, любящей помечтать о великом будущем сына, фразу: «Ты ста-

нешь лауреатом Гонкуровской премии... Дважды!» Ромен Гари, действительно, единственный в истории дважды «гонкуровец» — вторую премию он получил под псевдонимом Эмиль Ажар. Включение имени Сент-Экзюпери в перечисление погибших на фронте товарищей Ромена тоже приятный волюнтаризм драматурга: в романе автор «Маленького принца», конечно, не упоминается.

Вообще, текст Гашевой, как всегда, таит в себе массу возможностей, множество речевых «конфеток», которые актёры должны «вкусно» подать зрителю. Увы, «вкусно» получалось не всегда. Исполнители главных ролей Анна Сырчикова (Нина) и Александр Гончарук (Ромен) совершенно запутались в интонациях, которыми так богата написанная Гашевой инсценировка. Пермская писательница старалась сохранить тонкий и очень деликатный баланс между лирической исповедальностью, высоким пафосом и бесконечной еврейско-французской иронией и самоиронией, который присутствует в первоисточнике, и у неё это получилось. А вот актёры с трудом разбираются, что нужно играть

ФОТО АНАСТАСИЯ ЯКОВЛЕВА

Кроме Андрея Гончарука роль Ромена играет Вячеслав Чуистов, а в роли матери всегда Анна Сырчикова

всерьёз и пафосно, а что — с долей снижающего пафос юмора.

Прекрасная Анна Сырчикова, которая, казалось бы, может сыграть абсолютно всё, с этой задачей пока не справляется. Её Нина (мать Ромена) — прекрасный памятник материнской любви, и свои фразы она не говорит, а изрекает. Буквально истину глаголет. Вот эпизод с посещением русской церкви: «Я думал, мы немножко еврей...» — робко недоумевает сын, и мать ему объясняет, что у неё там знакомый батюшка, а хорошее посредничество в общении с высшими чинами не повредит. И вообще: «Никогда не знаешь наверняка...» Это смешная сцена вообще-то, но у Сырчиковой получается эпизод истощенной молитвы за благополучие сына, а фразы про знакомого батюшку и про «никогда не знаешь» она произносит — но как бы впроброс. Зал их не слышит. Даже не улыбается.

В общем, не получилось в спектакле характерной, прикольной, бесконечно многогранной, хлопотливой, вечно ставящей сына в неудобное положение неугомонной мамы...

Сам Ромен, впрочем, ничуть не лучше. Сначала — робкий парнишка-фантазер, а затем — сердцеед и выдумщик, авантюрист и сорвиголова, живущий в книге Гари, в исполнении Александра Гончарука становится... Да никем не становится: он здесь просто рассказчик, практически лишённый характера.

Там, где не справляются исполнители главных ролей, на помощь приходят эпизоды. Как уже говорилось, персонажей у Гари множество, и все с характерами. Актёрам эпизодов достались самые яркие из них, причём каждый актёр играет несколько микроролей. В программе даже нет имён персонажей — просто перечисление исполнителей. Владимир Гинзбург в ролях одиноких стареющих людей, которые мечтают о чьём-нибудь внимании, — пана Пекельного и пана Зарембы; сногшибательный Алексей Каракулов в роли учителя танцев — вот кто вносит в спектакль необходимую долю эксцентрики; уморительная Ксения Данилова в роли королевы Елиза-

веты — это просто бенефис; и, конечно, Ирина Максимкина, сыгравшая роли всех возлюбленных Ромена. Вот где зал смеялся — Максимкина жгла! Столь точное попадание в тональность и стилистику этой литературы заставляет мечтать о том, чтобы увидеть Максимкину в роли Нины... Какая была бы драматичная, смешная, бесконечно энергичная маленькая старушка! А Сырчикова могла бы сыграть всех Роменовых девушек.

Там, где есть проблемы с актёрами, особенно с главными, чрезвычайно важны театральные приёмы, которые помогают «вытянуть» спектакль на должный интонационный уровень. В Театре-Театре это, конечно, музыка: композитор Виталий Истомин создал красивый саундтрек, достойный существования в качестве отдельного произведения, а маленький оркестрик проникновенно его исполнил. «Живые» звуковые эффекты украшают удачные режиссёрские находки, вроде эпизода с боевым вылетом, во время которого пилоту попали в глаза стёкла, и он вёл самолёт вслепую, по указаниям пулемётчика: потрясающее соло контрабаса здесь — просто до мурашек!

Визуальные эффекты тоже хороши: дождь, который одновременно служит экраном для видеопроекций, решётка с «изменяемой конфигурацией крыла», которая висит над сценой и добавляет интересные теневые рисунки, — всё это особенно хорошо работает в финале, который именно благодаря музыке и красивому визуалу становится проникновенным — каким и должен быть.

А вот «призрак матери», который должен появиться в клубах дыма, нуждается в «отладке» — очертания женской фигуры видны лишь тем зрителям, которые находятся строго по центру зала, а те, кто сбоку, недоумевают, что это за цветные разводы.

Словом, «Обещание рассвету» (по мнению Владимира Гурфинкеля, такой вариант названия ближе к французскому оригиналу) — это именно обещание. Обещание, которое ещё должно быть выполнено.

«Учитель танцев» Алексей Каракулов дарит спектаклю необходимую долю эксцентрики